

12. Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история современность, проблемы. М.: Агропромиздат, 1990. 221 с.
13. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. 624 с.
14. Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 448с.
15. Пыхалов И. В. Великая Оболганная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 480 с.
16. Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2002. 300 с.

УДК 61(470.54-25)

ББК Рг (235.55)6 ГСНТИ 03.23.25
Код ВАК 07.00.02

С.А. Бердникова
Екатеринбург

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 1930-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сталинизм, историография, образование, культура, образ нового человека

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются различные точки зрения зарубежных историков на культурный и образовательный аспекты сталинского периода. Дан сравнительный анализ точек зрения разных авторов на сталинскую политику в образовании. Автор анализирует публикации зарубежных историков, вышедшие в серии «История сталинизма» издательства РОССПЭН.

S.A. Berdnikova
Yekaterinburg

THE FORMATION OF THE NEW SOVIET CITIZEN OF THE 1930S IN MODERN HISTORIOGRAPHY

KEY WORDS: Stalinism, historiography, education, culture, new people

ABSTRACT. The article analyzes different points of view of foreign historians on the cultural and educational aspects of the Stalin period. A comparative analysis of the viewpoints of different authors on the Stalinist policy in education. The author analyzes the publications of foreign historians, published in the series "History of Stalinism" of the publishing house ROSSPEN.

Советская история 1930-х-50-х годов вызывает большой интерес отечественных и зарубежных исследователей, в первую очередь в связи с тем, что многие аспекты данного периода долгое время не могли быть подвергнуты тщательному изучению, так как до 1990-х годов архивы, содержащие важные документы сталинской эпохи, были закрыты.

В связи с открытием архивов по советскому периоду у исследователей появилась возможность для более тщательного анализа источников, касающихся процессов сталинского периода. Именно в связи с этим в историографии сталинизма появилось большое количество новых исследований, что определило особенность постсоветской историографии темы.

Одним из известных на сегодняшний день проектов, в исследованиях сталинизма является серия книг, подготовленная издательством РОССПЭН и фондом Первого Президента России Б.Н. Ельцина, в которую входят исследования отечественных и зарубежных историков, касающиеся разных аспектов сталинского периода: экономического, социального, культурного, политического, демографического и других.

В данной статье остановимся на анализе исторических работ, касающиеся формирования «нового человека» сталинской эпохи, роли образования в этом процессе.

Хотелось бы обратить внимание на характеристику понятия культуры советского человека, которая дана в монографии американского профессора Шейлы Фицпатрик. В своей

монографии она говорит о том, советские лидеры определяли понятие культуры как комплекс привычек поведения, отношения к окружающему миру и знаний, которые есть у «культурных» людей и отсутствуют у «отсталых». Позитивная ценность культуры, как и ее природа, представлялись самоочевидными (1. С. 99). «На практике же, - замечает Ш. Фицпатрик,- можно выделить несколько уровней культуры, которые предстояло освоить людям в СССР. На первом уровне находилась культура личной гигиены – привычка мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол и элементарная грамотность все еще отсутствующая у большей части населения Советского Союза. Второй уровень культуры, требовавший знания таких вещей, как правила поведения за столом, в общественных местах, обращении с женщиной и основы коммунистической идеологии считался обязательным для каждого городского жителя. Третий, содержавший элементы явления, получившего когда-то название «буржуазной» или «мещанской» культуры представлял собой культуру этикета: хорошие манеры, правильная речь, опрятная, соответствующая случаю одежда, некоторая способность разбираться в таких высококультурных предметах как литература, музыка, балет. Предполагалось, что таков должен быть уровень культуры правящего класса, представителей новой советской элиты (1. С. 99). Однако Ш. Фицпатрик отмечает, что приобщение советских людей к культуре часто вызывало сопротивление, так «дети, приезжавшие с Крайнего Севера, бойкотировали некоторые продукты и отказывались решать математические задачи, а их родители обвиняли советскую власть в том, что, навязывая всеобщее образование, она отвергает у них этнические ценности» (1). Безусловно, нельзя не согласиться с мнением Ш. Фицпатрик. В советской историографической традиции это относилось и определялось как «бытовая культура», или «культура быта». Кроме того, необходимо понимать, что модернизация традиционной культуры проходила медленно.

Статья К. Кур–Королева, посвященная культурному аспекту становления «нового человека», характеризует идеологию партии в отношении молодого поколения. Вот как он характеризует данное явление: «Именно на молодежь возлагались особенные надежды в послереволюционный период. Исходили из того, что «старый мир» в меньшей степени, чем на старшее поколение, оказал свое негативное влияние и содействовал формированию молодежи, что

давало возможность повлиять на процесс ее трансформации в «новое общество». Поэтому идеальный образ молодого советского человека во многих аспектах совпадает с образом нового человека» (2. С. 372). Автор считает, что в формировании нового общества основная роль отводилась молодежи: «В «солнечном сиянии» сталинизма молодежь снова представляла как авангард авангарда. Более того, сама молодость была осмыслена как принципиально иное, отличное от пожилого, состояние тела и духа. Быть молодым значило творить вместе, в коллективе, во имя общих великих целей». Однако, по мнению К. Кур-Королева, партийное руководство СССР использовало мечту о новом человеке для того, чтобы создать продуктивного стандартного советского человека. Он выделяет два периода, в каждом из которых по-разному решалась эта задача. Вот как он характеризует ситуацию: «... В 1920-е гг. зачастую исходили из ориентированного на просвещение представления о человеке. ... Каждый взятый в отдельности гражданин должен был понять, как он должен вести себя во имя достижения высшей цели, во имя создания нового общества. В этот период особые надежды возлагались на то, чтобы каждый в силу необходимости совершенствовал себя сам, регулировал собственное поведение, постепенно изменяясь в лучшую сторону. В 1930-е гг. на словах продолжали придерживаться убеждения, согласно которому человек должен сотворить себя сам. Однако в 1930-е, система государственного воспитания, очевидно, руководствовалась установкой на принуждение извне. Речь шла уже не о свободном волеизъявлении отдельной личности, о том, воспримет ли она ожидаемые от нее формы поведения и ценностные представления, будет ли следовать им или нет. Личность отныне снова находилась в отношениях подчиненности и могла выбирать лишь, каким образом и в какой мере она должна стремиться соответствовать навязываемым ей нормам» (2. С. 377).

Другой немецкий историк Катарина Кухер обращает внимание на не менее важный аспект жизни советского «нового человека» - на культуру досуга: «Культура досуга, как и большинство направлений культуры после 1917 г., и в конце 1920-х гг. все еще находилась на стадии обсуждения и неопределенности. Претензии на обеспечение наиболее эффективной программы по созданию нового советского человека временами приводили к гротескным ситуациям. Культура досуга не была антимиром, а лишь местом

компенсаторного развлечения. В сталинское время это было, скорее, частью политической системы и системы власти. Отчуждение и выставление на показ людей, не отвечающих государственному стандарту идеального гражданина, было характерной чертой сталинской системы». Для доказательства своей точки зрения она приводит различные факты притеснений через культурную программу известного тогда нового парка отдыха. Цены, по мнению К. Кухер, были настолько высокими, что аттракционы были доступны только представителям высшей элиты. Стахановцам предоставлялись привилегии, а простым рабочим нет. В конце своей статьи она приходит к выводу о том, что: «В Советском Союзе официальные места отдыха и формы подхода властей к их посетителям менялись вместе с политическим развитием. Первоначальные концептуальные и педагогические притязания, направленные на «культурность», уступили дорогу представлению власти и успеха, воплощенному во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Как следствие, области культуры досуга и передачи знаний (в самом широком смысле) все сильнее отдалялись друг от друга. Одержимость государства в контроле и структурировании официальной сферы досуга стала менее заметной. Было признано, что люди могут использовать свое свободное время, а также места проведения досуга для такого отдыха, который они сами предпочитают, и для того, чтобы отвлечься от изнурительной повседневной жизни. Воспитательная миссия культуры досуга оказалась не очень успешной, так как сигнал «культурности» так и не достиг большинства адресатов» (3. С. 327).

Йорг Баберовски в своей монографии также говорит о формировании «нового человека» сталинской эпохи, его точка зрения схожа с точкой зрения предыдущего автора. Вот как он характеризует это явление: «Сад человечества при социализме должен был состоять из европейцев современного типа, новых людей, освободившихся от духовного и культурного уклада, унаследованного ими из прошлого. Эти люди отмечали бы большевистские праздники, носили соответствующую одежду и говорили на языке большевиков. Небесный рай на земле был задуман только для людей одного типа, говорящих на одном языке. Русские коммунисты были искушенными учениками разума и просвещения: то, что упустила природа, должно быть восполнено

человеческими руками. А всему, что не отвечало требованиям разума, как полагали большевики, следовало исчезнуть с лица земли» (4. С. 12). Главным средством формирования «нового человека», по мнению Й. Баберовски, у большевиков был террор. С подобным выводом трудно согласиться, поскольку с помощью террора вряд ли возможно формировать новую культуру.

Вызывает интерес монография Е. Томаса Юинга, которая посвящена учителям эпохи сталинизма. В ней он описывает повседневную жизнь учителей начальной и средней школы, основываясь на архивных материалах, письмах, воспоминаниях. По его мнению, главной целью школы сталинского периода было воспитание «нового советского человека»: «Этой цели служила и школа: ее обустроивали, введение строгой дисциплины способствовало наведению порядка и росту авторитета педагогов, а местные власти тесно взаимодействовали с родителями учеников» (5. С. 10). Сталинизм, по мнению Юинга, определял в 1930-е гг. и подтекст, и контекст учительского бытия, однако в своей работе он пытается доказать, что «хотя профессия педагога в стране советов претерпела в эпоху Сталина сильные изменения, сами учителя противостояли сталинизму как в школах, так и в обыденной жизни» (5. С. 12). Вот как характеризует Томас Юинг саму ситуацию в образовании в 30-е годы: «В эпоху сталинизма претерпело изменение и образование. Число учащихся в начальной и средней школе выросло с 12 млн до 21 млн человек. Такой рост объяснялся общей стратегией – для экономического развития требовались квалифицированные рабочие, образование давало возможность подняться на ступеньку-другую по социальной лестнице, а разбухавшие день ото дня властные структуры получали пополнение. Учителей требовалось все больше, курс на всеобщее обучение изменил их статус и характер работы. Их число в начальной и средней школе увеличилось с 400 тыс. в 1928 г. до более чем миллиона в 1938. Они составляли только один процент населения, но представляли десять процентов «интеллигенции» – писателей, ученых, врачей, управленцев, инженеров и чиновников партийно-государственного аппарата. Примерно три четверти учителей работали в сельской местности, где другой интеллигенции почти не было. Приоритетами школы стали высокий уровень преподавания, дисциплина и стабильность во всем» (5. С. 15). Однако, как указывает Томас Юинг, всеобщее

обучение вызывало сопротивление со стороны населения. Это выражалось в разных формах, в некоторых деревнях родители считали, что школа - это «засилие бесов» и их дети умрут, если будут посещать учебные заведения. На Крайнем Севере сопротивление образованию было связано с тем, что родители считали, что в их регионе детям грамота не нужна, так как получив образование их дети могут забросить охоту и свои дома. В центральной России, многие считали, что грамотность приведет к отсутствию работников на предприятиях. В целом, как замечает Томас Юинг, «борьба со школой была частью противодействия государственной власти» (5. С. 71). На наш взгляд, такая трактовка не совсем верна, скорее сопротивление было вызвано тем, что введение всеобщего начального обучения разрушало традиционный уклад жизни, дети отрывались от выполнения работ в домашнем хозяйстве. Проблемой реализации компании по всеобщему обучению, как указано в исследовании Т. Юинга, была еще и нехватка педагогических кадров: «Сильнее всего укреплению средней школы препятствовал дефицит кадров. Их не хватало для новых учеников, и работающие учителя нуждались в усиленной и даже специальной подготовке» (5. С. 78).

В конце своей монографии автор приходит к выводу о том, что значение учителя и образования для молодой советской власти было достаточно велико: «Во-первых, Советский Союз значительно отличался от дореволюционной России или современного ему капиталистического мира и во многом превосходил. Во-вторых, учителя играли важную роль в преобразованиях советского общества, которые вели к прогрессу. И, наконец, быть учителем означало не только заниматься определенным занятием и иметь статус в обществе, но подразумевало искреннюю преданность своей профессии, трудолюбие и творческий подход к преподаванию. В этом свете понимание учителями эпохи сталинизма своего предназначения незримыми нитями было связано с прошлым и будущим, через школу и учащихся влияло на общество и культуру, глубоко проникало в характер и даже душу каждого отдельного педагога» (5. С. 257). С этим выводом нельзя не согласиться, тем более, что он был сделан советской историографией и являлся основным её концептом.

Ш. Фицпатрик также обращала внимание на роль учителей в

советском обществе 1930-х годов. Она заметила, что учителя были единственными, кто пытался бороться с невежеством и злоупотреблениями чиновников на местах (1. С. 48), что харизматичная личность учителя играла немалую роль в перевоспитании советской молодежи (1. С. 96).

Немецкий историк Й. Баберовски подтвердил точку зрения о том, что в советской школе, особенно в сельской, не хватало кадров для обучения детей, в то же время он голословно утверждал, что многие учителя были не на много умнее своих учеников (4. С. 60). Однако, по его мнению, несмотря на распространение всеобщего образования, крестьяне с трудом усваивали гегемониальную культуру большевиков (4. С. 61). Вот как он характеризует политику большевиков в сфере образования: «Большевики принадлежали к своего рода секте грамотеев, чьи экспансионистские утопии разбивались о стену отчуждения, отделявшую от масс часть советской элиты. Безграмотность населения и существующий культурный дуализм обусловили ту языковую беспомощность большевистской идеологии, которая в конечном счете побудила большевиков прибегнуть к языку террора» (4. С. 62).

Краткий обзор исторической литературы показывает самые различные мнения о политике и её реализации по формированию нового советского человека в первые годы Советской власти. Историки выделили основные сферы для решения поставленной задачи: образовательную и культурно-досуговую. Оценка этих культурных преобразований в СССР очень различна. Остановливаясь на трудностях, а они присущи любым начинаниям, они, за исключением Ш. Фицпатрик, дают им иронически негативный характер. Эта оценка никак не согласуется с последующими историческими событиями: победой СССР в Великой Отечественной войне, созданием ядерного щита и освоением космоса, формированием одной из лучших в мире системы всеобщего и бесплатного среднего образования.

Литература:

1. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. 336 с.

2. Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: Некролог по мечтам о новом человеке // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной

научной конференции. М., 2011. С. 372 – 377.

3. Кухер К. Овладение досугом: отдых как составная часть сталинизма // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 378 – 386.

4. Баберовски Й. Красный террор. М., 2011. 278 с.

5. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930 -х годов. М., 2011. 359 с.

УДК 94 (47) : 930.85

ББК 4402(235.55)61

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

А.А. Богданова

Стерлитамак

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, российская цивилизация, концептуальные подходы

АННОТАЦИЯ. В статье освещаются концептуальные направления в современном руссиеведении, определяющие роль и место России в общецивилизационном контексте развития. Разнообразные методологические подходы способствуют осознанному изучению истории России, воспитанию у молодежи гражданственности и патриотизма.

A. A. Bogdanova

Sterlitamak

ON SOME CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN CIVILLIZATION

KEY WORDS: History, Russian civilization, conceptual approaches

ABSTRACT. The article studies the conceptual approaches in modern Russian studies determining the role and place of Russia in the context of civilizational development. A variety of methodological approaches contribute to the conscious study of the Russia history, to the education of youth citizenship and patriotism.